

либерал ■ ru

Jürgen Habermas

Ein neuer
Strukturwandel
der Öffentlichkeit
und die deliberative
Politik

Suhrkamp Verlag
Berlin

2022

Юрген Хабермас

Новая структурная
трансформация
публичной сферы
и делиберативная
политика



Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 32:1
ББК 66.01
X12

Научный редактор
Т. Вайзер

Хабермас, Ю.

X12 Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Юрген Хабермас; пер. с нем. Т. Атнашева. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 104 с.

ISBN 978-5-4448-2197-8

Спустя 60 лет после публикации своей классической книги «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) Юрген Хабермас — ключевая фигура в современной политической философии — вновь возвращается к этой теме. Продолжая подчеркивать центральную роль публичной сферы для политической жизни Запада, Хабермас прослеживает существенные изменения, которая она претерпела под воздействием цифровых медиа и социальных сетей. В целом пессимистически оценивая новую цифровую трансформацию и констатируя деградацию публичности, философ, однако, анализирует и позитивные тенденции, а также отвечает на многостороннюю критику. Подводя своеобразный итог своим трудам в области политической теории и социологии, автор приходит к выводу, что западные режимы не могут всерьез претендовать на самоназвание «демократии» без реального вовлечения граждан в дискуссию о том, что касается каждого члена общества. Юрген Хабермас (р. 1929) — политический философ, почетный профессор Франкфуртского университета, один из наиболее значительных представителей второго поколения Франкфуртской школы.

УДК 32:1
ББК 66.01

Рисунок на обложке: © Picture by Maria Petrishina on iStock

© Suhrkamp Verlag Berlin 2022
All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin.

© Т. Атнашев, перевод с немецкого, 2023
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023
© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тимур Атнашев. Новый Хабермас?</i>	6
<i>Татьяна Вайзер. Другой Хабермас?</i>	13
Предисловие	21
Размышления и гипотезы о новой структурной трансформации политической публичной сферы	22
Делиберативная демократия. Интервью	68
Что означает «делиберативная демократия»? Возражения и ошибочные интерпретации	83

Тимур Атнашев
Новый Хабермас?

Возвращаясь к теме своей первой и до сих пор самой известной книги «Структурная трансформация публичной сферы» (1962), классик современной политической философии продолжает дело своей жизни и указывает на центральную роль обсуждения, дискуссии или *делиберации* для политической жизни Запада. В 2019 году 90-летний Юрген Хабермас закончил двухтысячистраничную историю философии, подтвердив статус ведущего интеллектуала¹. В настоящей совсем небольшой работе, опубликованной в 2022 году, он осмысляет новую структурную трансформацию публичной сферы в конституционных либеральных демократиях в эру социальных сетей и цифровизации. И развернуто отвечает на несколько типичных ошибочных интерпретаций своей мысли о роли публичности и делиберации. В качестве философского основания, проработанного за 60 лет, прошедших с момента публикации докторской диссертации, Хабермас использует концепцию рационального *дискурса* как критической дискуссии. Ретроспективно теория публичной сферы и теория коммуникативного действия стали важной частью большого делиберативного поворота в политической мысли второй половины XX—начала XXI века, о чем свидетельствует подзаголовок². Для российского читателя в новой книге,

¹ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Suhrkamp, 2019. О статусе мыслителя см.: *Habermas global: Wirkungsgeschichte eines Werks / L. Corchia, S. Müller-Doohm, W. Outhwaite (hrsg.)* Frankfurt a. M., 2019; *The Cambridge Habermas Lexicon / Ed. by A. Allen, E. Mendieta.* Cambridge, 2019.

² «Deliberative democracy has been the main game in contemporary political theory for two decades and has grown enormously in size and importance in political science and many other disciplines, and in political practice» (*Bächtiger A., Dryzek J. S., Mansbridge J., Warren M.* (eds.) *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy.* Oxford, 2018. P. 4). В качестве более ранних обзорных работ см.: *Fishkin J., Laslett P.* (eds.) *Debating Deliberative*

возможно, откроется новая позиция классика по ряду ключевых вопросов¹. Эволюция мысли и языка Хабермаса отвечает установке на полемику, которую он неустанно ведет с широким кругом собеседников в диапазоне от ведущих представительниц политфилософии феминизма и представителей республиканизма до мировых религиозных лидеров².

Новый Хабермас не ожидает, что в большинстве случаев политические силы и представители гражданского общества могут на деле достичь *консенсуса* по вопросам текущей политики, он не очень высоко оценивает потенциал компромисса и считает его сделкой по интересам, признает важность *агональной* политики, очень критически оценивает эффект дискуссий в социальных сетях на развитие публичной сферы, признает множественность публичных сфер и важность реальной политики, а также, расходясь с Руссо, считает достаточным, чтобы граждане платили за *общее благо* лишь мелкой монетой. Однако ядро его исходной программы остается актуальным, и оно связано с критической важностью функционирования публичной сферы для демократии. Возвращаясь к истокам, в заключительной статье немецкий мыслитель подтверждает приверженность критическим установкам Франкфуртской школы в отношении негативной циклической динамики капитализма и ее деструктивного влияния на политическую публичную сферу, которая нуждается в философской и практической защите.

Диагноз Хабермаса о влиянии социальных медиа с их свободой от посредников и бесплатным моментальным доступом каждого пользователя к миллиардам людей во всем мире снова отрицательный. Публичная сфера деградирует под воздействием больших интернет-платформ, нацеленных на извлечение прибыли от рекламы и увеличения количества кликов. Если

Democracy. Wiley-Blackwell, 2003; *Thompson D.F. Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 497–520.*

¹ К сожалению, рецепцию идей философа в России осложнило не очень высокое качество перевода на русский язык классической первой книги Ю. Хабермаса. См.: *Юдин Г. Рец. на кн.: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы (2016) // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 1. С. 123–133.*

² См. статью Т. Вайзер «Другой Хабермас?» (Наст. изд. С. 13–14).

в традиционных медиа центральную роль играл издатель и редакция, которые фильтровали качество аргументов и проверяли источники информации, то в социальных сетях жанр свободной от обязательств частной переписки смешивается с жанром публичной коммуникации — каждый может стать автором без необходимости нести ответственность за свои слова.

Посредник между автором и читательской аудиторией, выглядевший как ограничитель свободы слова, оказался главным гарантом стандарта содержательной дискуссии. Без посредников, *фильтрующих* доступ к публике, эхо-камеры миллионов людей, разделяющих предубеждения и предпочтения друг друга, придают легитимность самым крайним и плохо отрефлексированным аргументам или видимость достоверности фейковым и никем не проверенным новостям. Проверка фактического положения дел, как и качество текста, перестает быть необходимым условием доступа к аудитории. Напротив, редакции традиционных медиа создают пространство мейнстрима, в котором люди разных убеждений вынуждены слушать и слышать аргументы с разных сторон и держаться проверенных фактов. Вывод философа заключается в необходимости политической и правовой регуляции коммерчески ориентированных социальных сетей, отныне формирующих важнейшую часть публичной сферы, но не способных выполнить ее основные функции и усиливающих расколы и взаимное недоверие граждан.

Предложим далее наш краткий вариант разбора типичных ошибочных интерпретаций ключевых положений Хабермаса, которые вполне характерны и для российского интеллектуального контекста. Вероятно, главное недопонимание и критика связаны с указанием на утопический и идеалистический способ обоснования важности публичной сферы. На это устойчивое и в некоторых случаях непоколебимое сомнение Хабермас отвечает несколькими тезисами. Никакая современная демократия в крупных территориальных государствах, «заслуживающая этого названия», невозможна без сносно действующей системы распознавания, усиления и преобразования различных голосов и точек зрения, представляющих разные общественные группы, в совместную политическую волю. Без этого условия мы в самом лучшем случае получим систему механической агрегации

предпочтений, но не получим *легитимности* принятых таким образом решений¹. Почему даже честный подсчет голосов без обсуждения не дает демократической легитимности? Потому что в таком случае речь де-факто идет о численном превосходстве большинства как угрозе силой для меньшинства по вопросам текущей повестки. Ни честного подсчета голосов, ни представительской демократии недостаточно для устойчиво работающей демократии.

Мы можем отметить близость этой аргументации *неоримской концепции свободы* как недоминирования Квентина Скиннера и республиканской модели Филипа Петтита². Хабермас утверждает, что такое восприятие легитимности законов заложено в ткани тысячелетней западной юридической культуры и закреплено как базовое требование в *революционных конституциях* и декларациях Нового времени. Но как в больших республиках можно реально учесть мнения миллионов граждан?

Хабермас настаивает, что рациональность и дискурс в западной традиции фундаментально связаны с представлением о возможности обсуждения как совместного поиска лучших аргументов и новых решений, включая возможность обсуждать и оспаривать не только интересы, но и общие нормы и ценности. Философские штудии зрелого мыслителя в области теории коммуникативного действия были призваны показать, что критический диалог по поводу общего жизненного мира представляет антропологическое основание рациональности. *Коммуникативное действие* в отличие от стратегических и инструментальных взаимодействий по своей природе нацелено на понимание другого³. Греческая философия и римское право, усвоенные многими поколениями через систему образования, суды и парламентские дебаты, на практике культивировали и усилили эту человеческую способность к обсуждению.

¹ О центральной роли опросов как замены демократических механизмов см.: Юдин Г. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб., 2020.

² См.: Скиннер К. Свобода до либерализма, Республика, СПб., 2020; Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М., 2016.

³ См.: Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Beacon Press, 1984. P. 57–95.

В конституционных демократиях для того, чтобы решение большинством голосов было минимально легитимным для тех, кто с ним в данный момент не согласен, нужна сфера для содержательной и критической дискуссии, в которой в пределе у каждой заинтересованной группы есть реальный шанс убедить остальных и изменить их мнение не только перевесом голосом. Без этого шанса, без самой этой возможности как горизонта спора обмен аргументами лишь отразит исходное соотношение сил и мнений, а значит, обсуждение не даст нового результата.

Более того, граждане должны на деле верить в эту возможность, как и в то, что политическая система в принципе отражает и их запросы. Публичная делиберация и эффективно действующая система публичных сфер позволяет решить проблему *инклюзии* разных позиций для миллионов граждан, включая мнения находящихся в меньшинстве. Теряя веру в возможность поменять мнение оппонентов или колеблющихся сограждан по важным вопросам и веру в то, что их интересы и убеждения реально представлены политиками, люди массово обращаются к ярким популистам, которые олицетворяют и укрепляют недоверие граждан к демократическим институтам. Социальные сети ведут к росту влияния популистов и к изоляции их горячих последователей от других групп. Именно делиберация, в которой мы можем рассчитывать изменить точку зрения других участников, придает смысл базовой норме конституционных демократий Нового времени — закон как высшая форма регуляции легитимен, только если он принят при участии всех, кого он либо его следствия касаются.

Таким образом, вклад Юргена Хабермаса в политическую философию во многом заключается в указании на фундаментальную важность и необходимость самой возможности переубедить другого. Симметричным следствием этого принципа является наша готовность поменять и свою собственную точку зрения в ответ на аргументы другого. Мыслитель на протяжении более 60 лет, систематически переосмысляющий и интегрирующий самые разные области научного знания и философии для усиления своих аргументов, показывает, что сама основа рациональности связана с общей *установкой на истину*

в споре. Убежденность в истинности своих аргументов не ведет к согласию и консенсусу, но заставляет нас спорить и лучше понимать друг друга, обосновывая свою позицию. То есть заставляет переходить от высказывания заранее готовой позиции к аргументации, где консенсус задает лишь горизонт. И эта же убежденность дает нам полное право говорить «нет» (*Neinsagen*), но продолжать обсуждение. В свою очередь, задача обосновать свою позицию требует от каждого переходить от уровня предпочтений и интересов к более общему уровню прояснения и согласования норм, ценностей и общего блага. И хотя в нормативной области нет окончательных аргументов и фактов, здесь возможна рациональная дискуссия и возможно изменение ценностей. Философская установка на истину — фундамент *Res publica*, без которой любая дискуссия без остатка свелась бы к соотношению сил. Но насколько важно соотношение сил и ресурсов по сравнению со слабой силой deliberации?

Хабермас последовательно рассматривает возражения «реалистов» двух типов (агрегативную модель и модель экспертократии) и по существу принимает их, но оставляет за собой встречные аргументы. Собственно, исходный жест первой «Структурной трансформации» заключался в указании на деградацию публичной сферы под воздействием структурных социально-экономических и политических сил постоянно развивающегося капитализма — корпоративные интересы и лоббизм, бюрократизация государственных учреждений, зависимость от социальной помощи госструктур и консюмеризм граждан, пиар и пропаганда лишают общество специальной области, где возможна рациональная дискуссия. Философ начал свою карьеру с указания на силу социально-экономических структур¹. Но практическая оценка эволюции западных демократий и философские аргументы в пользу критической deliberации как основы рациональности остаются ядром концепции политической публичной сферы Хабермаса. Несмотря на давление «реальных» интересов, экспертов и медиаструктур содержательные дебаты помогают не просто выявлять индивидуальные

¹ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1962. S. 42–76.*

предпочтения и интересы (позиции), но позволяют каждый раз пересобрать их в общую и легитимную политическую волю.

В качестве аналогии к этой главной и, кажется, не вполне понятой линии аргументации Хабермаса мы можем обратиться к известной схеме Даниеля Канемана, выделяющего в нашем индивидуальном мышлении интуитивную, автоматическую и бессознательную Систему 1 и сознательную, рациональную и трудозатратную Систему 2¹. В подавляющем большинстве случаев люди принимают решения автоматически и интуитивно, используя быструю Систему 1, которая на самом деле позволяет находить эффективные решения. Но для новых и при этом сложных задач, в условных 5% случаев человеческий мозг активизирует более медленную и местами менее надежную Систему 2, которая должна попробовать построить рациональную модель новой реальности, часто ошибается, но способна рано или поздно находить принципиально новые и более адекватные решения на основе лучшей модели реальности. И именно эти 5% неуклюжего рационального мышления делают нас *Homo sapiens*, а не только умными и ловкими животными. Действующая политическая публичная сфера, теснимая интересами, страстями и пропагандой, — аналог 5% рациональных решений человека разумного для демократических сообществ, без которых мы не заслужили бы этих двух гордых названий. Критики Хабермаса сфокусированы на 95%, но в обеспечении оставшихся нескольких процентов разумной дискуссии и заключается демократическая роль публичной политической сферы.

¹ Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2013.

Татьяна Вайзер
Другой Хабермас?

«Структурная трансформация публичной сферы», опубликованная ровно за 60 лет до выхода этой книги, положила начало долгой традиции концептуализации публичной сферы, в рамках которой этот концепт был как разнообразно использован для описания современных демократических обществ, так и получил расширительные толкования, вызвал критику и спровоцировал появление альтернативных или контрпонятий. Концепт выдержал 60 лет продуктивных дискуссий, стал базисом для многих исследований или отправной точкой для развития критических теорий. В рамках этой ризоматической традиции критики возникли такие понятия, как контрпубличность (*Gegenöffentlichkeit*), контрпублики, альтернативная публичность и альтернативные публики, множественные (пересекающиеся) публичности и т. д.¹

За 60 лет Хабермас написал 46 крупных работ. К особенностям его как одного из наиболее цитируемых сегодня философов относится то, что он внимателен к своим оппонентам и критикам, читает их и отвечает им на страницах своих книг, вернее, строит рассуждения с учетом их критики, даже если он с ней не согласен. Одним из последних примеров этому стала книга «Диалектика секуляризации. О разуме и религии» (2006), построенная в виде диалога между Хабермасом как представителем рационально-ориентированной логико-прагматической

¹ Подробнее об истории рецепции и критики Хабермаса см.: *Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т.* 200 лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // *Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России.* М., 2021. С. 5–84.

европейской мысли и Йозефом Ратцингером, Папой Римским Бенедиктом XVI как представителем христианской религии в постсекулярной традиции¹.

Итак, 60 лет спустя Хабермас возвращается к пояснению роли публичной сферы в новых условиях современных демократий. И здесь нам хотелось бы обратить внимание читателей на три момента, в которых, порой едва заметно, выражается смена акцентов или смена ракурса от «прежнего» Хабермаса к Хабермасу «новому». Пусть это будут три взаимосвязанных понятия, через которые эту разницу можно проследить: *нормативная теория, консенсус и опыт*.

«Структурная трансформация публичной сферы» 1962 года давала возможность говорить о нормативной теории публичной сферы, основанной на фундаментальной реконструкции становления культурно-исторических форм публичной жизни в европейских буржуазных городах Нового времени. Публичная сфера в этой нормативной теории становится основой для будущих (то есть современных нам) демократий: она воплощает собой принципы открытости, доступности, дискурсивности, инклюзии (включения), предполагает способность к рациональной коммуникации, обмену мнениями и в идеале создает условия для достижения консенсуса и формирования общественного мнения, которое, в свою очередь, влияет на политические процессы и принимаемые решения.

В новой книге Хабермас уточняет, что имело бы смысл говорить не о нормативной теории (или «идеальной теории», как у Ролза), а о реконструкции разумного содержания *практик*. Это важное уточнение, позволяющее увидеть Хабермаса не как автора идеальных конструктов, для которых эмпирические реалии (весьма избирательные, как замечают его критики) дают только подтверждение, но как более практически «заземленного» автора, который выводит из практик их рациональный (и рационализирующий) потенциал. Таковой он видит в целом задачу демократической теории — быть не «готовой» нормативной теорией, но *рациональной реконструкцией* из уже

¹ Хабермас Ю., Ратцингер Й. Дialeктика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

действующих практик *принципов*, которые должны определять контуры нашей общественной жизни.

Концептуализация публичной сферы 1962 года представляла собой попытку реконструкции условий, при которых рациональная дискуссия становилась возможна. На основании этого Хабермас предлагал рациональную аргументацию как способ достижения консенсуса по общественно-значимым вопросам. Консенсус виделся желаемым идеалом и итогом политической дискуссии, в ходе которой решаются конфликтные притязания на значимость. В новой книге Хабермас уточняет, что консенсус есть не с только желаемая конечная (ибо он вряд ли достижим в современном плюралистическом обществе), сколько «интуитивно искомая» точка, а его отсутствие «*a fortiori* должно компенсироваться совместным формированием общественного мнения и политической воли». Иными словами, из несомненной цели он превращается в желаемое, не-столь-уж-возможное или фактически отсутствующее. Это важное уточнение и отклик на критику бельгийского философа Шанталь Муфф, отчасти в полемике (и в несогласии) с которой написана новая книга¹.

В новой книге есть фрагмент, в котором Хабермас, в целом не соглашаясь с Муфф, все же отдает ей дань, уточняя, что в логике поиска консенсуса заложен агональный характер: «Мысль о том, что политические дискуссии также *ориентированы на достижение* согласия (*Einverständnisses*), часто понимается неверно. Она ни в коем случае не подразумевает идеалистического представления о демократическом процессе как о безмятежной беседе. Напротив, можно допустить, что ориентация разумных участников дискуссии на истинность или правильность своих аргументированных убеждений только распяет политические споры и придает им принципиально *агональный характер*. Тот, кто аргументирует свое мнение, тот спорит, оспаривает (*widerspricht*). Эпистемический потенциал взаимно оспариваемых мнений раскрывается только через право, даже поощрение сказать друг другу „нет“ (*reziproke Neinsagen*), ибо предназначение спора — в развитии способности его участников корректировать себя, без взаимной критики они не смогут учиться друг

¹ См., например: *Mouffe Ch. On the political*. London; New York, 2005.

у друга»¹. Разумеется, в агональном понимании публичной сферы у Муфф не заложена идея того, что участники будут учиться друг у друга, то есть признавать рациональный и более убедительный характер аргументов противника, иначе они просто не будут агонистами. Однако эта цитата дает нам важный инсайт в логику аргументации, в диалектике которой Хабермас усматривает возможность раскрытия эпистемического потенциала: отрицание, несогласие собеседника необходимо для раскрытия полноты смысла собственных убеждений.

В 2012 году выходит статья С. Уайта и Э. Р. Фарра «„No-Saying“ в теории Хабермаса». Авторы пишут, что коммуникативную парадигму Хабермаса обычно рассматривают как машину по производству согласия, где консенсус (*yes-saying*) доминирует. За это его, собственно, и критикуют, недостаточно глубоко вчитываясь. Напротив, если реконструировать истинное (этическое и эпистемическое) значение *no-saying* в его коммуникативной парадигме, то окажется, что диссенсус и агонизм являются неотъемлемой частью его демократической теории². Иными словами, коммуникация у Хабермаса — это процесс взаимного *оспаривания* и возможность/право всегда сказать «нет». «В какофонии противоречащих друг другу мнений, выплескиваемых в публичную сферу, — пишет Хабермас в новой книге, — предполагается только одно — согласие в отношении принципов общей конституции, которая узаконивает все остальные споры. На фоне этого консенсуса весь демократический процесс представляется *потоком диссенсусов* (разногласий), вновь и вновь возбуждаемым нацеленным на истину поиском рационально приемлемых решений». В этой цитате хорошо видно, как меняется его словарь со временем. Если в ранние (1960–1980-е) годы Хабермас говорит в основном о логико-прагматической морально-ориентированной коммуникации (устойчивая ценностная установка), необходимой для достижения консенсуса (цель), то в книге 2022 года его понятия «смягчаются», становятся более подвижными и сопряженными с изменчивыми жизненными

¹ Здесь и далее в цитатах опущены некоторые курсивы Хабермаса, которые будут воспроизведены в самом тексте книги, и добавлены мои. — Т. В.

² White K. S., Farr E. R. «No-Saying» in Habermas // Political Theory. 2012. Vol. 40. № 1. P. 32–57.

процессами: *поток диссенсусов* (во множественном числе), *вновь и вновь возбуждаемых, поиск*, и далее по тексту: *динамика продолжающегося несогласия...* и т. д. Иными словами, перед нами уже не только устойчивая рациональная абстрактно-логическая (дис)позиция достижения консенсуса (каковой она, если следовать Уайту и Фарру, никогда и не была), но и живой изменчивый процесс жизненного опыта.

В 2000-е годы американский политический философ и феминистка Айрис Марион Янг, называя себя одновременно продолжателем и критиком Хабермаса, разрабатывает модель *коммуникативной демократии*. Эта модель предполагает, что политически значимой является (и должна быть признана) не только рациональная аргументация допущенных в публичную сферу участников, как у Хабермаса, но и альтернативные форматы коммуникации: гражданские форумы, уличные перформансы, протесты, фольклор и т. д. За счет этого — через репрезентацию в публичной сфере — происходит включение ранее маргинализованных групп населения в активные политические процессы³. «Расширение идеи коммуникативной демократии от формальных мест обсуждения, таких как парламенты, залы суда и залы слушаний, до улиц, площадей, церковных приходов и театров гражданского общества требует от нас включения в демократическую коммуникацию альтернативных видов речи и взаимодействия в дополнение к производству и обмену аргументацией»⁴, — пишет она. В то время как ранний Хабермас относил эстетическое выражение к сфере перформативного действия, а ставку в достижении консенсуса делал на логико-прагматическое рационально-ориентированное коммуникативное действие, Янг взывала признать в качестве значимой политической коммуникации *риторику*

³ Еще Фрэнсер в статье 1990 года упрекала Хабермаса в невнимании к недискурсивным, нетекстуальным формам репрезентации в публичной сфере альтернативных публик (таких, например, как революционные плакаты, слоганы и т. д.). См.: *Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text*. 1990. № 25/26. P. 56–80.

⁴ *Young I. M. Inclusion and Democracy*. Oxford, 2000. P. 168. См. также: *Young I. M. Justice and Communicative Democracy // Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics*. Philadelphia, 1993.

как способ для маргинализированных групп привлечь внимание к существующей в обществе несправедливости. Отсюда и совершенно разные и даже в чем-то противоположные образы публичной сферы: публичная сфера как сфера рациональной аргументации (Хабермас) и публичность как сфера разных модальностей коммуникативного выражения и перформативного действия (Янг)¹.

В новой книге Хабермас пишет: «Коммуникационная сеть (медиа, Интернет. — Т.В.) гражданского общества функционирует как своего рода система раннего предупреждения, которая вбирает критический опыт из частных сфер жизни, перерабатывает его в *протестные голоса* и передает в политическую публичную сферу. Поскольку общественные движения, в которых может накапливаться протест, — это особый случай, то чем спонтанней прозвучат из-за кулис гражданского общества *неотрежиссированные голоса* на фоне благозвучно сформулированных деклараций других политических акторов, тем больше вероятность того, что они будут услышаны. Нарративы, как и выражаемые в них *аффекты* и *желания*, имеют понятное пропозициональное содержание, а мощная *риторика* по-прежнему остается одним из наиболее традиционных средств на долгом пути к тому, чтобы проблема привлекла к себе надлежащее внимание СМИ и попала в повестку дня какого-нибудь влиятельного учреждения». Необходимость быть услышанным и риторика, стиль как способ привлечь внимание в ином случае «глухого» к проблемам несправедливости общества — и есть то, о чем мечтала Янг, модель коммуникативной демократии, которой до сих пор противопоставлялась чисто рационально-аргументативной (переговорной) демократии Хабермаса. «Стиль... и есть аргумент», — скажет на этот раз Хабермас.

Язык Хабермаса иногда смягчается (или, напротив, радикализуется) вплоть до того, что способность занимать позицию

¹ Хотя еще в 1985 году Хабермас пишет, что право на протест должно являться неотъемлемой частью современной зрелой демократии. См.: *Habermas J. Civil Disobedience: Litmus Test for the Democratic Constitutional State // Berkeley Journal of Sociology. 1985. Vol. 30. P. 95–116.* Именно на эту «анархическую» статью ссылаются Уайт и Фарр, говоря о том, что Хабермаса недостаточно внимательно читают.

в дискуссии называется анархической¹: «Институционализация высвободившейся анархической способности „говорить нет“ (*Neinsagens*) в публичных дебатах и избирательных кампаниях, в партийных спорах и дискуссиях в парламенте и его комитетах, в совещаниях правительства и судов требует лишь предварительного политического согласия всех участников относительно главной интенции их конституции». Но что значит «высвободившейся»? откуда или из чего? Означает ли это, что устойчивые консенсуальные диспозиции (власть авторитетных институтов или не делиберативным образом сформированное общественное мнение) этот потенциал сдерживали? И что этот язык значит в целом для того «Хабермаса», которого мы знали как предельно рационального философа, благодаря кому было актуализировано значение рационально-ориентированной политической дискуссии, делиберативной процедуры (регламента ведения дискуссии) и т. д.?

Ответ на этот вопрос дает нам обращение к третьему из выбранных нами понятий — *опыт*. Еще в 1972 году Оскар Негт и Александр Клюге пишут работу «Публичная сфера и опыт. К анализу буржуазной и пролетарской публичной сферы». Выстраивая свое высказывание как систематическую критику хабермасовского концепта «буржуазной публичной сферы», Негт и Клюге добавляют к ее концептуализации важное измерение — *опыта* (*Erfahrung*): что представляет собой социальный опыт, как, кем, с какими целями конституируется его социальный горизонт и т. д. Внимание к опыту позволяет им выстроить образ *пролетарской публичной сферы, контрпубличности* (*Gegenöffentlichkeit*), противостоящей равно классической буржуазной и индустриально-коммерческой публичным сферам. Опыт, в их понимании, синонимичен открытости, включенности, разнородности, непредсказуемости, текучести, противоречивости, конфликтности, процессуальности, — иными словами,

¹ Хотя еще в «Фактичности и значимости» можно встретить «анархическую структуру публичной сферы» (S. 374); «головокружение анархической безграничной коммуникативной свободы», на базе которой только и достигается консенсус, свободный от внешнего принуждения (S. 228–229) и т. д. См.: *Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a.M., 1992.*

всему тому, в чем трудно было бы заподозрить Хабермаса (если брать понятия Негта и Клюге в тех значениях, в каком они себя ему противопоставляют¹).

В новой книге Хабермаса читаем следующее: «Мы не должны забывать о главном, от чего в конечном счете зависит судьба демократии: с нормативной точки зрения, институт формирования общественной воли должен реально работать таким образом, чтобы конституционный консенсус избирателей время от времени *подтверждался опытом*». Опыт здесь, разумеется, не имеет того же смысла, в котором его более систематически понимали Негт и Клюге, противопоставляя его рациональному дискурсу буржуазной публичной сферы Хабермаса, однако это — заметное смещение акцента в разговоре последнего о нормативной теории: консенсус должен/может проверяться, подтверждаться или опровергаться *опытом*; «критический *опыт* из частных сфер жизни» накапливается в протестный потенциал; «заслуживающими доверия остаются только те необходимые идеальные ожидания, которые граждане связывают со своим *опытом*» и т. д. Эта линия соотнесенности с опытом теперь звучит гораздо отчетливее.

Образ публичной сферы, который Хабермас дает в новой работе, еще в очень большой степени идеализирован: участники публичной сферы — это по-прежнему максимально рациональные субъекты, мыслящие в понятиях отказа от собственных интересов в пользу общего блага, потенциально готовые дать себя переубедить «лучшим аргументом», несущие ответственность перед теми, чьи мнения в политической борьбе оказываются не в выигрыше и т. д. Однако Хабермас, его язык, оптика, ракурс уже немного другой. И эти слегка или ощутимо сместившиеся акценты — дань порожденной им же критики, которую он всегда и неизменно читает, во внимательном диалоге с которой пишет свои работы вот уже более 60 лет.

¹ См. подробнее в: Negt O., Kluge A. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit. Frankfurt a. M., 1993.

Предисловие

Я признателен своим коллегам Мартину Зелигеру и Себастьяну Севиньяни, которые в последней своей работе заговорили о необходимости «новой» структурной трансформации публичной сферы и этим побудили меня вернуться к старой теме, несмотря на то, что я уже давно занимаюсь другой проблематикой и читаю публикации на данную тему. Поэтому материалы, которые коллеги собрали для специального выпуска журнала «Левиафан»¹, позволили мне ознакомиться с состоянием профессиональной дискуссии на эту тему. Я хотел бы поблагодарить коллег — авторов сборника за это полезное чтение.

Меня не удивляет, что сегодня эта тема вызывает широкий интерес. Поэтому я решил сделать собственную статью в упомянутом сборнике доступной для более широкой аудитории, несколько изменив форму. Я дополнил свой текст двумя разъяснениями концепции делиберативной политики, которая связана с просвещенным формированием демократической воли в политической публичной сфере. Это сокращенная версия моего интервью, взятого для «Оксфордского справочника по делиберативной демократии»², и переработанное предисловие к сборнику интервью на ту же тему под редакцией Эмили Праттико³.

¹ *Seeliger M., Sevignani S.* (Hg.) Ein erneuter Strukturwandel der Öffentlichkeit? Baden-Baden, 2021 (Leviathan. 2021. Nr. 37. Jg. 49).

² *Habermas J.* Interview // Bächtiger A., Dryzek J. S., Mansbridge J., Warren M. E. (eds.) The Oxford Handbook of Deliberative Democracy. Oxford, 2018. P. 871–883.

³ *Habermas J.* Foreword // Pratto E. (Hg.) Habermas and the Crisis of Democracy. Interviews with Leading Thinkers. London, 2022.